

М. И. ЯНОВЕР

КИРДЖАЛИ И КИДЖАЛИИЦЫ В УКРАИНСКОЙ, ПОЛЬСКОЙ И МОЛДАВСКОЙ ЛИТЕРАТУРАХ

(По следам образа героя повести Пушкина «Кирджали»)

О прототипе героя пушкинского «Кирджали» ученые высказывали различные суждения. При этом в основном они исходили из документальных и фольклорных материалов, которые сопоставляли с содержанием повести Пушкина. Последние архивные разыскания, предпринятые кишиневскими литературоведами Б. Трубецким¹ и Л. Оганян², а также румынским исследователем Тр. Ионеску-Нишковым³, подтверждают не совсем ясные ранее представления об исторической достоверности существования Георгия Кирджали.

Вместе с тем еще не исчерпаны возможности всестороннего исследования возникших вокруг повести Пушкина вопросов в отношении его метода изображения событий, исторической концепции и в особенности вопросов отражения образа Кирджали в литературе и фольклоре. В украинской, польской, молдавской литературах имеются произведения, изучение которых расширит наши представления о Кирджали как нацио-

¹ См. Б. Трубецкой. Новые архивные материалы о Кирджали. «Литературное наследство» (Пушкин, Лермонтов, Гоголь), т. 58. М., АН СССР, 1952; его же. Пушкин в Молдавии. Изд. 2. Кишинев, 1954, стр. 160—168.

² См. Л. Н. Оганян. Новые архивные материалы о герое повести А. С. Пушкина «Кирджали». Сб. «Пушкин на юге». Труды Пушкинских конференций Кишинева и Одессы. Кишинев, 1958, стр. 37—56.

³ См. T. r. J. o n e s c u - N i ş c o v. Kirdjali dans la littérature universelle. В сб. «Romanoslavica», I. Бухарест, 1958, стр. 113: «Из одного документа того времени (делается ссылка на документ, хранящийся в фондах АН РНР за № CLXXX/173. — М. Я.) мы узнаем, что в апреле 1823 года какой-то «Георге Кыржалиул» действовал вместе с другими гайдуками в области Вылчя».

нальном герое и литературном типе, позволит еще полнее определить значение повести Пушкина, который первый в мировой литературе обратился к образу балканского народного мстителя и своим талантливым произведением побудил писателей и литературоведов не только к собиранию преданий и документальных сведений о Кирджали, но и к их использованию в художественных произведениях.

Эпизод, не вошедший в повесть великого русского поэта и в ином свете представляющий Кирджали, воспроизводит в своей поэме «Киртчалі» украинский писатель-демократ Юрий Федькович⁴.

Содержание поэмы таково.

Мехемед-паша устроил в своем замке пир в честь дочери Селимы. Кирджали, который служит у Мехемед-паши, но тайно связан сговором с братьями-болгарами убить пашу, вызван играть на шездаре. Здесь, в замке, молодой человек производит потрясающее впечатление на Селиму. Кирджали же приходит в восхищение от красоты турчанки. Он прекрасно играет на шездаре и поет болгарскую песню. Однако торжество нарушено: на площади поднялся шум, начались выстрелы. Восстали болгары. Селима обращается к Кирджали с горячей просьбой спасти отца. Выполняя волю турчанки, молодой болгарин отрывается от своих намерений мстить паше, становится на его защиту и нещадно убивает собратьев по оружию и по крови.

В конце поэмы Кирджали бродит, проклиная себя за то:

Що я братів моїх зрадив,
що їх шабля моя іла,
Що-м безчесний, нещасливий!

Что я братьев своих предал,
что их сабля моя убила,
Что я бесчестный, несчастливый!

Различие между Кирджали Федьковича и героем повести Пушкина резко ощутимо. Два поэта рисуют совершенно несравнимые события и ситуации. Перед нами почти разноха-

⁴ Ю. Федькович (1834—1888). Уроженец Буковины. С детства был знаком с гуцульскими песнями и преданиями об опришках, выступавших против панского гнета в Галиции. Часть жизни он провел в запрутской Молдавии, полюбил ее природу, интересовался бытом молдавского народа. Все это нашло отражение в творчестве украинского писателя; он посвятил столице запрутской Молдавии стихотворение «Ночь в Яссах» (см. «Поезії Юрія Федьковича». Львів, 1907, стор. 45, 46). В поэме «Волошин» (1877) в роли одного из главных действующих лиц поэт выводит бедняка Манолемолдаванина.

Во многих произведениях Федькович изображал украинских народных мстителей Довбуша, Гинду, Кобылицу, а в стихотворениях «Празник у Такові» и «Сербські ваї» прославлял борьбу балканских народов против турецких поработителей (см. «История украинской литературы», т. I. Киев, Изд-во АН УССР, стр. 339—342; М. П. Пивоваров. Юрій Федькович. Літературно-критичний нарис. Київ, 1954).

Тяготением к этой тематике следует объяснить интерес украинского писателя к образу Кирджали. Первая публикация поэмы «Киртчалі» относится к 1862 году: «Поезії Іосифа Федьковича», ч. I. Львів, 1862, стор. 122—130.

рактельные герои, выступающие под одним именем. Можно ли полагать, что эпизод, воспроизведенный в поэме Фельковича, относится к раннему периоду жизни пушкинского Георгия Кирджали, или же мы имеем дело с совершенно другой личностью, с другим литературным героем, другим Кирджали?

Выяснение этого вопроса осложняется тем, что в научной литературе нет полного жизнеописания Кирджали. В. Язвицкий в своем труде «Кто был Кирджали, герой повести Пушкина?»⁵ сделал попытку установить полную биографию Кирджали по книге болгарского писателя Г. П. Руссески о предводителе болгарской четы Гьлэб-воеводе. Язвицкий допускает, что Гьлэб-воевода тот же Кирджали. Но это утверждение основано лишь на предположении о том, что Кирджали мог носить двойное имя из-за конспирации. В какой мере выводы из этого предположения соответствуют действительности, трудно сказать, так как жизнь Гьлэб-воеводы только общими чертами — ненавистью к туркам и бегством в Валахию — похожа на жизнь Кирджали. Что же касается подробностей, известных нам по Пушкину и по Фельковичу, то в биографии Гьлэб-воеводы они не упоминаются.

С другой стороны, в художественной литературе имеется произведение о Кирджали, которое охватывает совершенно различные события, описанные Фельковичем и Пушкиным и объединенные единством действия героя. Это роман «Кирджали»⁶ польского беллетриста Михаила Чайковского.

С повестью Пушкина «Кирджали» Чайковский был знаком. Об этом он пишет в послесловии, где в качестве справки помещает почти текстуальный перевод сочинения Пушкина, при этом отмечает:

«Александр Пушкин, великий поэт России, будучи в Бессарабии в 1821 году, видел Кирджали, по этим воспоминаниям он написал несколько слов, помещенных в русском литературном издании [«Библиотека для чтения», в 1834 году]»⁷.

Польский автор располагал и другими источниками о герое романа. По этому поводу Чайковский сообщает следующее:

«Имя Кирджали хорошо известно в придунайских краях; его разбой и подвиги надолго остались в памяти жителей, из

⁵ См. В. Язвицкий. Кто был Кирджали, герой повести Пушкина? Ж. «Голос минувшего», 1919, № 1—4.

⁶ Первое издание романа относится к 1839 году (M. Czajkowski. Kirdzali. Lipsk, 1839). Второе, пересмотренное и исправленное, вышло в Лейпциге на польском языке в 1863 году: Kirdzali, powiesc naddunajska, przez Michala Czajkowskiego, wydanie drugie. Lipsk, 1863. Экземпляр имеется в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина. Как нам любезно сообщил кандидат филологических наук Б. Трубецкой, роман М. Чайковского «Кирджали» в русском переводе опубликован в ж. «Колосъ», 1885, № 2, 3 и 4.

⁷ M. Czajkowski. Kirdzali. Lipsk. F. A. Brockhaus, 1863, s. 187.

которых многие видели этого человека, а многие были его товарищами по оружию. Ни один случай, содержащийся в моей повести, не является плодом пустого вымысла; все, что я рассказал, это правда, основанная на рассказах людей, знавших Кирджали, знавших подробности его жизни»⁸. И далее: «При посредстве одного из моих знакомых валахов в Париже я располагал присланным мне подробнейшим описанием жизни и деятельности Кирджали»⁹.

Из этих признаний следует, что Чайковский, собирая многочисленные рассказы о Кирджали, относил предание о его братоубийственном поступке к образу пушкинского Кирджали. Нам предстоит выяснить, насколько это предположение оправдано исторически.

Встреча Кирджали с турчанкой Селимой описывается во второй главе романа Чайковского. Мехемед, отмечая день рождения дочери, вызывает Кирджали и приказывает: «Молодой мой наездник, зазвучи струнами шездара, огласи болгарскую песню»¹⁰. В другом месте паша о нем говорит: «Это слуга»¹¹. Далее следует еще более ясное указание на социальное положение героя романа: при виде Селимы, пишет Чайковский, Кирджали «забыл, что он порабощенный славянин, а она мусульманка — дочь угнетателя»¹².

Когда доносится клич: «Албанцы взбунтовались!» и Селима обращается к нему с призывом: «Защити моего отца!», Кирджали хватает ятаган и идет против восставших, которые при его виде кричат: «Измена! Измена!».

В конце главы Кирджали сурово осуждает свой поступок: «Я изменник, вероломник, отщепенец... без рода, без веры, без чести»¹³.

Нетрудно заметить, что с основными моментами этого эпизода совпадает содержание поэмы Ю. Федьковича, который, видимо, заимствовал эту тему у Чайковского. Но в некоторых деталях имеются и легко объяснимые различия.

В романе Чайковского Кирджали — болгарин («bulgarski mlodziencie») оказывается соучастником подавления восставших албанцев. Кирджали Федьковича — «албанец» идет против болгар. Однако расхождение в определении этнической принадлежности Кирджали и восставших людей только кажущееся, ибо Федькович называет болгар братьями «албанецца» Кирджали (он «братий косить, витинае»); с другой стороны, в романе Чайковского взбунтовавшиеся албанцы

⁸ M. Czajkowski. Kirdzali. Lipsk. F. A. Brockhaus, 1863, s. 187.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 8.

¹¹ Там же.

¹² Там же, стр. 9.

¹³ Там же, стр. 10.

называют Кирджали-болгарина изменником и отщепенцем. И в одном и в другом произведении ощущается тесная связь между понятиями «болгарин» и «албанец»¹⁴. Объяснить это можно тем, что «в начале XIX века большею частью болгарские гайдуки и кирджалии по их костюму назывались албанцами или арнаутами»¹⁵.

Если к тому же учесть, что Кирджали как в польском романе, так и в поэме украинского писателя исполняет любимую родную болгарскую песню, то становится еще более очевидным, что герой обоих произведений мыслится авторами как болгарин и что они имеют в виду, в данном случае, одно и то же лицо.

Что же касается восставшей четы (к которой Кирджали принадлежал до совершения вероломства), то надо полагать, что здесь идет речь об отряде болгарских кирджалийцев, которых, как отмечено выше, некоторые называли еще и албанцами.

В истории Балканского полуострова хорошо известно движение под названием кирджалийского (конец XVIII — начало XIX века). В четы кирджалийцев входили болгары, сербы, греки, албанцы, румыны, а также часть турецких янычар. В эпизоде, воспроизведенном Чайковским и Федьковичем, очевидно, нашли отражение столкновения кирджалийцев с болгарскими чорбаджиями, то есть торговцами, бывшими на службе у турок. Каким образом эти реальные события могли привести к возникновению сюжета, дошедшего до Чайковского, мы попытаемся установить ниже.

Несколько лет назад в Софии вышло исследование болгарского историка Ст. Атанасова¹⁶, который на основании новых архивных материалов освещает социальный и классовый характер движения кирджалийцев как движения, направленного против феодального гнета. (Прежде историография считала это движение реакционным, чисто разбойничьим). В этом труде подтверждается и доказывается, что турецкий султан добивался поддержки болгарских чорбаджиев, и кирджалийцы

¹⁴ Смещение этих понятий характерно не только в отношении действующих лиц разбираемого эпизода. Французские историки Вайян, Реньоль Убисини (J. A. Vaillant, *La Roumanie...*, t. III. Paris, 1844, p. 238; E. Regnaud, *Histoire politique et sociale des Principautés Danubiennes*. Paris, 1855, p. 120; Chopin et Ubicini, *L'univers. Provinces danubiennes et roumaines, seconde partie*. Paris, 1856, p. 114) считали Кирджали (прообраз пушкинской повести) албанцем, в то время как Пушкин, Липранди (см. «Русский архив». М., 1866, № 10, стб. 1403) и Инзов, имевшие более точные сведения о Георгии Кирджали, писали, что он болгарин.

¹⁵ В. Языцкий. Кто был Кирджали, герой повести Пушкина? Ж. «Голос минувшего», 1919, № 1—4, стр. 50.

¹⁶ См. Ст. Атанасов. Кто были кирджалии и против кого они боролись? София, 1954. См. аннотацию А. Константиnescу в журнале АН РНР «Studii. Revistă de istorie». Бухарест, 1958, № 4, стр. 145—149.

мстили не только туркам, но и их агентам и приспешникам— болгарским чорбаджиям.

О Кирджали, описанном Пушкиным, в исторической литературе и в устных рассказах говорилось как о человеке, борющемся с чорбаджиями. Так, например, французский историк Реньоль пишет, что «Кирджали вел с ними (то есть с чорбаджиями. — М. Я.) беспощадную войну»¹⁷.

Вполне понятно, что чорбаджи стремились распространить слух о том, будто Кирджали и кирджалийцы резали болгар без разбора. Пушкин вспоминает рассказ о нападении болгарина Кирджали и его товарища Михайлаки на болгарское селение: «Кирджали резал, а Михайлаки нес добычу. Оба кричали: Кирджали! Кирджали! Все селение разбежалось».

На основании подобных преданий и свидетельства старой историографии акад. В. А. Гордлевский отмечал, что «страдали больше всего от кирджали (со строчной буквы, то есть страдали от кирджалийцев. — М. Я.) болгары»¹⁸. Об отражении этих же событий в болгарском фольклоре писал акад. Н. С. Державин в третьем томе «Истории Болгарии»: «Воспоминания об ужасах кирджалийских зверств не изгладились в народной памяти у болгар и до сих пор: о них поют в народных песнях и рассказывают в преданиях»¹⁹.

В действительности же кирджалийским налетам подвергались в основном лишь болгарские чорбаджи, богатеи. Надо полагать, что именно они и распространяли всевозможные рассказы и версии о «кирджалийских зверствах», искажая социальную сущность этого движения. Однако в некоторых вариантах подобных преданий, прошедших через народный фильтр, образ кирджалийца получил романтическую окраску, его братоубийственный поступок изображался как необдуманная уступка очаровательной турчанке, а впоследствии кирджалиец раскаивается в своем поступке. Этот вариант предания использовал Чайковский, а за ним и Федькович.

Ст. Атанасов в упомянутом труде отмечает, что ряд кирджалийских предводителей воспет народом в песнях; среди них упоминаются такие, как Кара Колю, Кара Танас, Ангел-воевода и др.

В свою очередь, возникновение легенд об отречении кирджалийца от своих товарищей оказалось тем более возможным, поскольку имелись факты перехода отдельных предводителей

¹⁷ E. Regnault. Histoire politique et sociale des Principautés Danubiennes. Paris, 1855, p. 120.

¹⁸ В. А. Гордлевский. Кто такой Кирджали? Сб. «А. С. Пушкин. 1799—1949. Материалы юбилейных торжеств». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 268.

¹⁹ Н. С. Державин. История Болгарии, т. III. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1947, стр. 50.

на службу к туркам. И. П. Липранди рассказывает, что «когда атаман делался сильным и успевал, тогда он величался почетным именем: дере-бея, князя, властелина долин... В таких случаях само правительство искало уже соединиться с ним и привлечь его на свою сторону, на каковой конец вступало с ним в переговоры...»²⁰. Липранди даже приводит факты перехода атаманов к туркам.

Из сказанного явствует, что в предании, которое использовано Чайковским и Федьковичем, нашли свое отражение различные легенды и версии о столкновении кирджалийцев с болгарскими чорбаджиями, распространенные вначале ими, а затем переработанные народной фантазией. Имели место и случаи измены со стороны некоторых сильных атаманов-кирджалийцев (кирджалийцев, но не Георгия Кирджали, который до конца своей жизни был непримирим к турецким поработителям, в чем историки не расходятся в своих показаниях).

О том, что эпизод братоубийства и вероломства принадлежит циклу преданий о кирджалийцах, говорит и тот факт, что аналогичные ситуации (братоубийство, измена) служили основной сюжета других преданий о кирджалийском движении, в котором участвовали и янычары.

Предание такого рода легло в основу стихотворной легенды молдавского писателя В. Александри (1821—1890) «Гарда сараюлуй» («Стража у дворца турецкого султана»). Вот ее краткое содержание.

Султан Селим (имеется в виду Селим III (1789—1807) спит в своем сарае (дворце). Его охраняет стража во главе с Абдулем. В это время отряд янычар-кирджалийцев начинает наступление на дворец. Хотя Абдул и враг Селима, но считает, что как начальник караула он должен оправдать возложенное на него султаном доверие. И поэтому Абдул без колебаний вступает в бой со своими же братьями-янычарами:

Селим, Захид Кафирул, Селим крунт, орб де минте,
Учис-ау ку-а са мынэ пе бунул меу пэринте! —
говорит Абдул, то есть:

Селим нечестен, богохульник, безрассудный, жаждет крови,
Своей рукой убил он моего отца родного!

И далее:

Селим требуе сэ моарэ!.. Ши ва мури, жур еу,
Дар ну кыт сынт де пазэ ла кэпэтыул сэу...
Кэч мыршава трэдаре че-аскунде-ал ей образ
Ын вещь ну се ынкуйбэ ын суфлет де витяз...

то есть:

Селим погибнуть должен! Клянусь, умрет наверняка,
Но не когда в сарае стою на страже я...
И так-то будет, ибо, знайте, подлая измена
Не может приютиться в душе витязя...

²⁰ Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди. «Русский архив». М., 1866, стб. 1399 и 1400.

«Гяур фэрэ де крединцэ, те лепезь ту де ной?» — «Отступник вероломный, ты отрекаешься от нас?», — кричат его бывшие товарищи по оружию. Это опять-таки напоминает нам роман Чайковского и поэму Фedyковича, в которых болгары (албанцы) негодуют против Кирджали, защищавшего Мехемеда.

В легенде В. Александри также происходит братоубийственная резня. Восставшие погибают, вместе с ними погибает сам Абдул, чем и отличается данная легенда от приводимых выше произведений.

Несмотря на то, что в различных произведениях изображаются почти однотипные ситуации, отношение писателей к герою-кирджалийцу не одинаково. Украинский писатель Ю. Федькович увидел в нем вероотступника, который, совершив тяжкое преступление в угоду Селиме, впоследствии горько кается. Нет оправдания вероломству, но еще не закрыт путь к искуплению вины. Дальнейшая его судьба в поэме не показывается, но возможность возвращения героя к борьбе с врагами не исчерпана. А М. Чайковский, как увидим ниже, действительно показывает возвращение героя в стан противников османской империи, в лагерь борцов против турецкого гнета. У молдавского писателя В. Александри герой-янычар тоже политический противник султана, но наделенный чертами фанатизма. Его измена — не уступка чужой воле, его отступничество — результат проявления чувства собственного достоинства, не позволившего ему стать убийцей из-за угла и толкнувшего на убийство собратьев. Боясь изменить султану, он изменил единомышленникам.

И все-таки при различном подходе к герою у Александри, Федьковича и Чайковского мы видим единый взгляд на кирджалийца как на человека, который ненавидит угнетение и угнетателей.

В произведении Александри речь идет о вооруженном выступлении против султана Селима III, в романе же Чайковского и в поэме Федьковича мы узнаем, что восставшие нападают на замок паши Мехемеда. И все же оба сюжета можно свести к общему знаменателю, так как тесная связь между Селимом III и Мехемедом исторически существует. Дело в том, что когда кирджалийское движение в Болгарии усилилось, специальным султанским фирманом Селима III от 1795 года румелийский паша Мехемед был облечен диктаторскими полномочиями для организации борьбы с кирджалийскими отрядами и их уничтожения²¹. Поэтому в одних преданиях о кирджалийцах мог фигурировать султан Селим, в других — паша Мехемед: и с тем и с другим кирджалийцы боролись.

Если же говорить о главном действующем лице всех этих преданий, то следует учесть, что поскольку кирджалийское движение охватило почти всю турецкую империю, то разные

²¹ См. Н. С. Державин. Указ. соч., стр. 52.

ее народности, построив сюжеты исторических легенд на основе сходных социально-политических обстоятельств, создавали свои образы кирджалийцев и по-разному интерпретировали события.

* * *

Определив гипотетически генезис героя поэмы Федыковича и аналогичного эпизода романа Чайковского, мы должны также установить, какая связь существует между этим кирджалийцем и прообразом пушкинского Георгия Кирджали.

Прежде всего необходимо отметить, что Пушкин пишет о гетеристе и народном мстителе, действовавшем в Молдавии. Его Георгий Кирджали — достоверная личность, связывать прошлое которого с кирджалийским движением вряд ли есть основания. И вот почему.

Кирджалийское движение, как уже сказано выше, зародилось в конце XVIII века и наибольший размах имело при Селиме III. После его свержения в 1807 году движение начало быстро затухать. Французский же историк Вайян, с другой стороны, указывает, что в 1808 году Кирджали поднял бунт и отомстил управляющему села за то, что тот похитил его жену, затем он покинул свою деревню, скрылся в Валахию, где поступил на службу в имение боярина, а позже стал участником четы народных мстителей, возглавив ее²². Но это уже было после свержения Селима III (1807), когда кирджалийское движение шло на резкий спад. Некоторые историки, в их числе акад. Н. С. Державин, считают, что после 1807 года кирджалийское движение перестало существовать как таковое. К этому следует добавить указание историка Реньоля, который сообщает, что до восстания гетерии (1821) Кирджали уже действовал со своим отрядом «в течение четырех лет», то есть приблизительно с 1817 года.

В свете новых данных, которые приводит болгарский историк Ст. Атанасов, последние остатки кирджалийских отрядов были вынуждены прекратить свою борьбу еще в 1813 году, после взятия турками Видина. Это говорит о том, что чету Георгия Кирджали нельзя относить к группе кирджалийских отрядов. Хотя в нее, однако, могли входить и бывшие кирджалийцы, вместе с которыми Кирджали нападал на турок, чорбаджиев, молдавских бояр и др. Но если Кирджали и в эту пору боролся против турок и их приспешников, то тем паче трудно допустить мысль о его отступничестве перед товарищами-кирджалийцами.

²² См. J. A. Vaillant. La Roumanie., t. III, Paris, 1844, p. 238, 239. См. также: Chopin et Ubicini. L'univers. Provinces danubiennes et roumaines, seconde partie. Paris, 1856, p. 114.

Вот почему, на наш взгляд, рассказ о вероломстве кирджалийца и его братоубийственном поступке должен быть совершенно отделен от описываемого Пушкиным Кирджали.

Чем же объяснить, что Чайковский приобщил предание о кирджалийце к повести о народном мстителе и гетеристе, носящем прозвище Кирджали? Объясняется это тем, очевидно, что в народных преданиях образы Георгия Кирджали и кирджалийцев стали взаимопроникаться на основе контаминации — явления, широко известного в фольклористике. В повести о Георгии Кирджали Пушкин, следуя принципам реалистического метода воспроизведения действительности, передал по возможности наиболее достоверное, соблюдающий критерий исторической истины. Об этом убедительно говорят обнаруженные архивные материалы. И уже к достоверным фактам об истории жизни народного мстителя с прозвищем Кирджали прибавились плоды народной фантазии.

* * *

В своем романе польский автор широко описывает действия Кирджали в рядах гетеристов, доведя повествование до событий, хорошо знакомых нам по повести Пушкина. XXIII глава воссоздает картину горячих боев у селения Скуляны, в результате которых Кирджали оказался в критическом положении. Единственный выход — перебраться за Прут: «Старая любимая славянская река! — передает Чайковский мысли героя. — Ты еще раз перенесешь меня на своем гребне» (стр. 149). И вот он на бессарабской земле. «Кирджали в монастыре под Кишиневом нашел приют, — рассказывается в романе, — богобоязненные монахи заботливо ухаживали за ним, днем и ночью сидели у его изголовья» (стр. 154). Но покой нарушен: прибыл «капитан-исправник из Кишинева, с ним русские солдаты на конях» (стр. 155). Они ищут «Кирджали-болгарина», чтобы передать его туркам.

«Я на вашей земле приют пришел искать, — говорит он исправнику, — ничего плохого у вас не совершил» (стр. 155). Эта реплика полностью совпадает с той, которую воспроизвел Пушкин: «...с тех пор, как я перешел за Прут, я не тронул ни волоса чужого добра...». Но великий русский поэт еще вкладывает в уста героя такие слова, которые более целесообразно подчеркивают несправедливость царских властей, политики русского самодержавия: «Для турок, для молдаван, для валахов, я конечно разбойник, но для русских я гость... за что же теперь русские выдают меня моим врагам?».

В дальнейшем Чайковский рассказывает в основном о тех же событиях, о которых ведет речь Пушкин. Кирджали предан турецким властям. Об этом повествуется в XIX главе романа. А в XX турецкий суд выносит Кирджали смертный при-

говор. Вот он (Кирджали) в ожидании казни. Его окружает стража янычар. И опять следует описание, напоминающее то, о чем рассказывает Пушкин:

«Янычары вначале безмолствуют, но постепенно заводят между собой беседу... Разговорились о разбойниках, о богатствах, о зарытых кладах, как всегда бывает между военными людьми, стоящими на страже в тюрьме. Кирджали их невольно слушал, чтобы отогнать от себя скуку или же чтобы перед расставанием с этим миром наслушаться человеческих голосов. Вдруг одна мысль блеснула в его голове. Он поднялся и подошел к янычарам:

— Слушайте, можно ли верить вашим обещаниям?

Янычары смотрят на него, а один из них отозвался:

— Почему ты нас спрашиваешь?

— У меня есть зарытый клад: теперь он мне ни к чему не пригодится; если бы я знал, что вы свято исполните мое желание, я бы вам отдал часть клада».

Те поклялись.

— Хорошо (продолжил Кирджали. — М. Я.) ... Слушайте меня сейчас. За Яссами по пути в Котнар, налево, стоят старые груши: от первой вверх по дороге идите южнее и отсчитайте пятнадцать груш, оттуда повернитесь к западу, отсчитайте еще десять груш: одиннадцатая, засохшая, на локоть от земли имеет три сука к северу. От нее отсчитайте сто шагов к югу, там лежит красный камень величиной кирпичка, под ним ройте — найдете четыре котла с золотыми левами. Два котла отнесите в арджешский монастырь — скажите: это подарок от Кирджали; третий отдайте в Кишинев старосте монастыря, отцу Павлу (это тот самый монах, у которого — по роману Чайковского — Кирджали получил приют после перехода Прута. — М. Я.) — скажите: это для Кирджалия сына; четвертый поделите между собой. И вы и ваши дети будете иметь достаток в изобилии» (стр. 172, 173).

Далее Чайковский рассказывает, как янычары решили с наступлением ночи уйти вместе с заключенным вырыть клад. Шагая по котнарскому шляху, каждый из них думал про себя: «Нас семеро, а ты один». Точно так же в повести Пушкина они размышляли: «Что за беда? Он один, нас семеро».

В указанном месте начали копать ятаганам. Но до клада добраться не смогли. Обратились к узнику, развязали ему руки, дали ятаган. Кирджали стал усердно копать, в то время как стражники с нетерпением ожидали появления клада. Вдруг «Кирджали мигом ударил в грудь близстоящего янычара, вырвал у него из-за пояса пистолет и отскочил на несколько шагов. Свистнул и крикнул: «Встаньте все в ряд!»... В левой руке он держал открытый пистолет, в правой — окровавленный меч (ятаган)... Страх охватил сердца янычар, они боялись Кирджали, боялись его свиста, думая, что это сигнал для созыва-

разбойников, отвернулись и пустились в бег. Кирджали засмеялся усмешкой полной отвращения... и знакомыми тропинками быстро удалился в сторону гор и лесов» (стр. 175).

Однако в этой части романа есть и некоторые расхождения с повестью Пушкина, особенно в описании кончины героя. Пушкин ничего не пишет о гибели Кирджали. Поэт считал его живым и борющимся еще в 30-е годы.

Но в исторической литературе указана точная дата повешения Кирджали в Яссах — 24 сентября 1824 года²³.

Чайковский же описывает гибель героя. В XXII главе романа он рассказывает, как Кирджали, смертельно раненный в бою, был схвачен врагами и умер в их стане. Автор избежал описания повешения, предпочитая показать падение героя смертью храбрых в боевой обстановке.

Как видим, в изображении кончины Кирджали Чайковский отошел от повести Пушкина, во всем же остальном Чайковский воспринял ее как произведение правдивое и убедительное. Повесть Пушкина «Кирджали» послужила ярким примером для польского романиста.

Но Чайковский присовокупил к повести о Кирджали предания о кирджалийцах. У Пушкина же эти версии не нашли отражения, и от этого его произведение о гайдуке только выиграло.

Повесть Пушкина — первое в мировой литературе произведение об этом балканском народном мстителе — является наиболее правдивым художественным произведением, построенным на достоверных фактах. В способе показа событий, связанных с именем Георгия Кирджали, обнаруживается историческая концепция Пушкина, его реалистический метод изображения людей и действительности в ее типических чертах.

Обратив внимание широкой общественности на образ Кирджали, Пушкин вызвал интерес не только к переводу повести (она переведена на молдавский, польский, болгарский, чешский, сербский, литовский и другие языки) и не только к собиранию преданий о Кирджали, но и побудил писателей других народов воссоздать в оригинальных произведениях образы Кирджали и кирджалийцев.

В этом смысле можно говорить о мировом значении повести Пушкина «Кирджали».

²³ См. В. А. Гордлевский. Указ. соч., стр. 280. Эти сведения содержатся в книге: Chopin et Ubcini. L'univers. Histoire et description des tous les peuples. Provinces danubiennes et roumaines. Paris, 1856. Однако еще задолго до этого, в 1838 году, молдавский писатель К. Негруци указывал, что в 1824 году Кирджали был повешен. Таким образом, в отношении времени и обстоятельств гибели Кирджали свидетельства современников и историков совпадают.

ПУШКИНСКИЕ НАУЧНЫЕ КОМИССИИ ИНСТИТУТА
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ МФ АН СССР И ОДЕССКОГО ДОМА
УЧЕНЫХ

ПУШКИН
НА ЮГЕ

Труды
Пушкинской конференции
Одессы и
Кишинева

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ШТИНЦА»
МОЛДАВСКОГО ФИЛИАЛА АКАДЕМИИ НАУК СССР
КИШИНЕВ * 1961